

Можейко Марина Александровна

Доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии
и методологии гуманитарных наук
Белорусского государственного университета
культуры и искусств

УДК 177.61+172.15]:930.85

М. А. Можейко

Феномен любви к родине: эволюция патриотизма в истории культуры

Рассматривается патриотизм как феномен культуры, прослеживается его историческая эволюция. Выявляются закономерности формирования этнонациональной идентичности и национального самосознания. В контексте аксиологических шкал культуры конституируется понятие духовной родины, обосновывается его значимость для организации культурного пространства.

Любовь к родине представляет собой не только индивидуальное чувство в психологической полноте его эмоциональных оттенков, но и особый социокультурный феномен, обладающий статусом одного из самых фундаментальных в любом обществе и любой культурной традиции. Этот феномен прошел ряд этапов эволюции, каждый из которых характеризуется специфическими чертами: на разных этапах любовь к родине наполняется различным содержанием и по-разному объективируется в социальном контексте.

Так, исходным этапом формирования любви к родине можно считать такое явление первобытного общества, как защита территории обитания. Это первичное стремление сохранить для своей группы (племени или – позднее – рода) территорию, осознаваемую пока еще только как обжитое место и средоточие жизненных благ, необходимых для выживания (охотничьи угодья, места рыбной ловли), которые необходимо закрепить за собой, не утратить как источник средств к существованию. Таким образом, на раннем этапе развития отношение к родной земле является еще сугубо прагматичным, тем не менее лежит в основе понимания необходимости ее обороны – защиты от внешних врагов.

С развитием самосознания человека меняется и осмысление родной земли. Прежде всего, факт ее наличия подвергается рефлексии: это не просто территория, где род или племя живут и охотятся, перемещаясь по мере необходимости, – это именно наша территория. Возникает осознание обоюдной принадлежности: как эта земля принадлежит нам, так и мы принадлежим этой земле.

Более того, осознание феномена родной земли развивается и в семантическом отношении: есть родная земля и есть другие земли, которые родными не являются. Отличие родной земли от других земель заключается не во внешних (природных) особенностях, но в том, что именно эта земля является родной, своей – и в этом смысле ее статус не может быть приписан ни одной другой, даже более благоприятной в смысле климата или ресурсов. Это очень важный момент, который, возникнув, не просто остается в контексте ее содержания до сегодняшнего дня, но и получает существенное развитие, порождая глубинный, ставший базовым аспектом содержания феномена любви к родине. На базе этого впоследствии разовьется восприятие родины как матери, а себя (и народа, и отдельного человека) как носителя сыновней любви: «дзеткі Маці-Зямлі нашай» говорит о белорусах Франтишек Богусевич [2, с. 150].

Родина понимается онтологически данной, как и мать, и потому – при любых обстоятельствах – «Зямля дзяцей сваіх не кіне...» [6, с. 223]. В поэме «Новая земля» Якуба Коласа встречаем такое обращение к родной земле: «Дзень добры, новая мясціна! / Спаткай мяне, як маці сына <...> / Узброй надзеямі нам грудзі, / Бо мы твае, зямелька, людзі!» [6, с. 47].

Зависимость человека от природных даров родной земли, хотя и не акцентируется как главный содержательный аспект, однако окончательно не вымывается – уходит на фоновый план, сохраняясь на протяжении развития культуры – вплоть до наших дней. Развитие этого подхода приводит к тому, что к XX в. складывается тенденция трактовки родной земли как фундамента человеческого существования. Так, у Якуба Коласа: Неман «для сяла быў як родны бацька: і паіў, і карміў, і на сваіх плячах кожнага вынасіў...» [5, с. 71]. Однако проявляется этот фактор не сам по себе, но в контексте трудовой деятельности человека: как говорит герой Якуба Коласа: «Зямля... зямля... <...> / Будуў яе» [6, с. 280]. Разумеется, земля понимается в данном случае уже отнюдь не как почва для возделывания, но как родина, возможность обретения доли во всей полисемантической этого слова: обретения своего места в мире (доля как дом); возможности принимать участие в сакральном движении (доля как неотъемлемая часть); обретения счастья (доля как счастливая судьба).

Осознание связи человека с родным окружением – как индивида, так и народа в целом – по ходу разворачивания истории обогащается новыми оттенками, которые становятся первоначально значимыми: феномен

родины начинает семантически сопрягаться с моральными и социальными качествами самого человека. Связь с родной землей не ограничивается осознанием практической зависимости от природных ресурсов. Неразрывная связь с родиной, фундаментальное единство с родной землей дает человеку ни с чем не сравнимое чувство подлинности бытия, обретения своего места под солнцем и исполнения своего предназначения, что является извечным основанием ощущения личного достоинства. Так, у Янки Купалы в стихотворении «Жнея» читаем: «Вецер абдымае / Стан яе дзявочы, / Сонца ёй цалуе / Шыю, твар і вочы <...> / Смела йдзе ў сонцы, / Уся сама – як сонца, / Гэта жнейка наша / Ў нашаей старонцы» [8].

Расставание с родной землей переживается как утрата своего места в мире, выпадение из вселенской гармонии, чреватое утратой самости: «...О, край мой мілы! Усёй душою / Хачу злучыцца я з табою, / У тваіх паллях пазычыць сілу...» у Якуба Коласа [6, с. 152]. В максимально выразительной форме эта мировоззренческая установка проявляется в стихотворениях Максима Богдановича: «Паломаны жыццём, чакаючы магілы, / Радзімая зямля, прынікнуў я к табе, / І бодрасць ты ўліла ў слабеючыя жылы» [1]. Таким образом, феномен родины связывается с гордостью, достоинством и счастьем, сопрягаясь уже не с территориальным, но глубоко социальным контекстом.

Именно на этом эмоционально окрашенном основании – осознании неразрывного единства сокровенно-личного в человеке и сокровенно-сакрального в природе – основывается значимая во всех культурах тема охраны родной земли. Так, например, ранний средневековый эпос – «Песнь о Сиде», «Песнь о Роланде» и др. – пронизан пафосом защиты родной земли от внешних врагов, посягающих на ее территорию и богатства. Сид понимает смысл своей жизни в освобождении родины от захватчиков-арабов (именно побежденные арабы дают ему имя Сид, от араб. сеид – господин). «Песнь о Роланде», описывающая Ронсевальскую битву, также посвящена теме защиты родины, подвергшейся нападению агрессора, причем родина воспринимается уже не как территория как таковая, но как субъект: «Как жалко нам дивной Франции сладкой» [9, с. 169]. Все ратные доблести, мужество и героизм должны быть проявлены в полной мере, когда родина в опасности, – в этом контексте в уста Роланда вложены слова: «Сеньоры, в бой! Мечом разите светлым!». Важно, что речь идет не только о предотвращении возможной утраты родины, но и о недопущении ее поругания чужаками: «Рубитесь все ради жизни и смерти. / Франции сладкой опозорить не смейте...» [9, с. 177].

Вместе с тем охрана родной земли осознается не только как оборона от внешних врагов, но и как защита от оскудения ее богатств, хотя понимание этого оформляется позднее, в контексте культуры

Возрождения. Так, в поэме Миколы Гусовского «Песня пра зубра» отмечается: «Княжацкі ўказ пад пагрозай адказнасці строгай / <...> ашчажае <...> багацці лясныя» [4, с. 69].

Понимание родины как родной земли, нуждающейся в возделывании и сохранении, остается в исторической традиции, но, как уже было отмечено, в фоновом режиме: важным с течением времени становится иное. В ходе разворачивания исторического процесса формируется этнонациональная идентичность, а со становлением и развитием государства оформляется национальное самосознание, в рамках которого любовь к родине конституируется в качестве патриотизма как социально и государственно ориентированного феномена.

Развитие патриотизма сопрягается с государственностью: идентичность выстраивается именно в связи с определенным государством. Дифференцируются представления о малой родине как месте рождения и взросления и о Родине как государственном объединении (большой Родине) – представление, выходящее далеко за пределы прежнего понимания любви к родине в ее эмоциональной репрезентации. Трактовка Родины в новом, более широком контексте предполагает формирование таких феноменов, как гражданское самосознание, политическое сознание и патриотизм в государственной его артикуляции.

Представления о родине (Родине!) существенно масштабируются, расширяются. Для любви к малой родине характерна предельная конкретность: «Вось як цяпер, перада мною / Ўстае куточак той прыгожа, / Крынічкі вузенькае ложа / І елка ў пары з хваіною, / Абняўшысь цесна над вадою...» у Якуба Коласа [6, с. 7–8].

Патриотизм как любовь к большой Родине задает широкий масштаб, включая в представление о Родине и те края, где носитель государственно артикулированного патриотизма никогда не был и, возможно, не побывает. (Наиболее ярко это проявляется в империях, охватывающих территории от моря до моря.) Подобное можно наблюдать в определенных исторических ситуациях, когда представления о родине обретают широту в силу конкретных обстоятельств: так, например, в античной Греции принадлежность к полису во время греко-персидских войн переосмысливается как принадлежность к ойкумене, греческому миру в целом (в противоположность персам).

В социально-психологическом плане эмоциональная окрашенность представлений о Родине (как большой Родине – страны, государства) и о малой родине также различны. Так, патриотизм предполагает гордость за свою страну, за ее достижения в социальной и культурной сферах, готовность на жертвы во имя ее процветания. Неслучайно синонимом слова «Родина» (большая Родина, которая пишется с прописной буквы) является слово «Отечество», в содержании которого звучит гордость за деяния предков.

Что касается эмоций, связанных с представлениями о малой родине, то они существенно мягче и предполагают любовь как привязанность, аналогичную любви ребенка к матери, стремление прикинуться к истокам, из которых можно черпать новые силы. Как пишет Якуб Колас, обращаясь к своей малой родине, которую поэт емко обозначает как «родны кут», «Не раз, утомлены дарогай, / Жыццём вясны мае убогай, / К табе я ў думках залятаю. / І там душою спачываю...» [6, с. 7].

Трактовка Родины в государственном ее понимании проходит в контексте развития человечества существенную эволюцию: от личной верности монарху (династии) в средневековых Европе и Азии – до доминирования патриотизма в государственном смысле над патриотизмом в смысле узконациональном (современными примерами могут служить феномены россиян, казахстанцев и др., построенные на фундаменте не этнонациональной, а государственной идентичности). В современных условиях патриотизм как любовь к большой Родине отчетливо проявляется и в федеративно организованных государственных объединениях: он держится не столько на территориальной, сколько идеологической основе (общих культурных ценностях и, прежде всего, политической идеологии).

В контексте этой культурной традиции оформляется новое понимание родины, которая может трактоваться не в топографическом плане, но прежде всего в духовном – как то место (культурный локус), в семантическом пространстве которого индивид впервые осознал себя собою, сопрягая свои мировоззренческие ориентиры с той или иной сложившейся в культуре системой ценностей и шкалой оценок – нравственных, религиозных или иных. Человек переживает такую интериоризацию ценностей, как формирование самосознания, становление себя как личности – фактически второе, духовное рождение.

Таким образом, человек переживает свое духовное начало как идущее не просто от места рождения как природного топоса, но главным образом от культурных традиций, которые связаны с ним: «Ад роднае зямлі, ад гоману бароў, / Ад казак вечароў, ад песень дудароў, / ...Ад шлаху начэй, / Ад тысячы ніцей, / З якіх аснована і выткана жыццё / І злучана быццё і небыццё...» [7, с. 283]. Значимость духовных основ патриотизма обнаруживает себя уже в средневековых текстах. Упомянутая выше «Песнь о Роланде» демонстрирует это в полной мере. Враги понимаются Роландом не просто как завоеватели, но именно как иноверцы: «Видит Роланд, безбожники пришли» [9, с. 177]. Епископу Турпину Роланд говорит: «Ни для кого не изменю я вам. / В этом бою узнает басурман, / Как звать мечи Дюрандаль и Альмац» [9, с. 185]. Иными словами, битва за Францию как родину оказывается фактически изоморфной битве за веру.

В более поздней культурной традиции представления о духовной родине могут быть лишены топографической привязки: важны ценности, аксиологические ориентиры личности, верность той или иной культурной традиции, и неважно на какой территории это имеет место, – важно, что человек проявляет верность традиции, реализует свои принципы и устои.

В представлениях о духовной родине неразрывно связаны нравственные, религиозные и иные аксиологические структуры. Очень выразителен в этом отношении сюжет Франтишка Богушевича о том, как православные крестьяне, которых насильственно сгоняли в униатскую церковь, отдают предпочтение не чужому храму, но родному лесу, ведя беседу с Богом в пуще и молясь деревьям: «Кожны ў нядзелю раненька ўстане, / <...> І марш у лясы, <...>. / А там, у пушчы, <...> / Чытаюць малітвы...» [3, с. 91].

Духовное рождение маркируется не территориально, но аксиологически (не топос рождения, но мировоззренческая традиция). Так, христиане мира равно чувствуют себя братьями, в какой бы стране ни родились: их объединяет вхождение каждого в христианскую традицию – духовное рождение. В силу этого феномен духовной родины задает принципиально новый критерий для консолидации людей, объединяя не земляков, но единомышленников. Это формирует и новый тип переживания принадлежности к общности, основанный на единстве идей и ценностей – духовное братство.

1. Багдановіч, М. А. «Калі зваліў дужы Геракл у пыл Антэя...» / М. А. Багдановіч // Поўн. зб. тв. : у 3 т. – Мінск, 1992. – Т. 1. – С. 119.

2. Багушэвіч, Ф. К. (Мацей Бурачок). Прадмова да зборніка «Дудка беларуская» / Ф. К. Багушэвіч (Мацей Бурачок) // Беларуская літаратура XIX ст. : зб. тэкстаў / пад рэд. Я. Купалы. – Мінск, 1940. – С. 150–151.

3. Багушэвіч, Ф. К. Свая зямля / Ф. К. Багушэвіч // Творы. – Мінск, 1999. – С. 91–93.

4. Гусоўскі, М. Песня пра зубра / М. Гусоўскі. – Мінск : Мастац. літ., 1980. – 192 с.

5. Колас, Я. Нёманаў дар / Я. Колас // Зб. тв. : у 14 т. – Мінск, 1973. – Т. 4. – С. 69–85.

6. Колас, Я. Новая зямля / Я. Колас // Зб. тв. : у 14 т. – Мінск, 1974. – Т. 6. – С. 7–280.

7. Колас, Я. Сымон-музыка / Я. Колас // Зб. тв. : у 14 т. – Мінск, 1974. – Т. 6. – С. 281–472.

8. Купала, Я. Жняя / Я. Купала // Зб. тв. : у 7 т. – Мінск, 1973. – Т. 3. – С. 45–46.

9. Песнь о Роланде / по Оксфордскому тексту ; пер. со старофр., вступ. ст. и прим. Б. И. Ярхо. – М. – Л. : АCADEMIA, 1934. – 325 с.

M. Mojeiko

**Phenomenon of love for the homeland:
the evolution of patriotism in the history of culture**

Patriotism as a cultural phenomenon is considered, its historical evolution is traced. The patterns of the formation of ethno-national identity and national consciousness are revealed. In the context of axiological scales of culture the concept of a spiritual homeland is constituted, its significance for the organization of cultural space is substantiated.

Дата паступлення артыкула ў рэдакцыю: 29.05.2020.